

Новая газ. - 2006 - 02-05 марта - с. 29.

Как добиться культурного раста

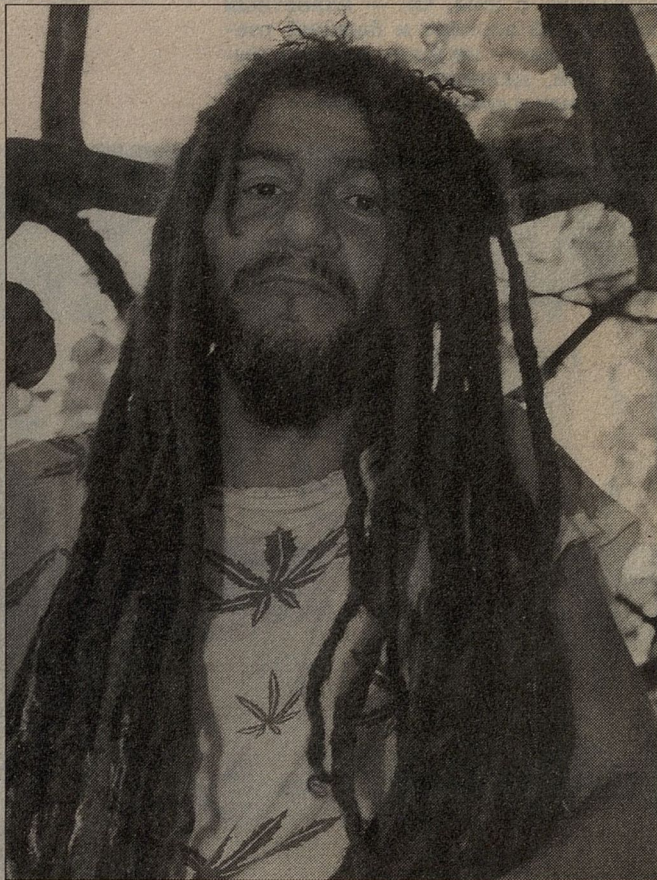
Гера МОРАЛЕС:

«Когда у нас зашевелится душа, то и мозги зашевеливаются»

Попса стремительно отупела, рок, как известно, умер, никаких глобальных идей в воздухе не витает. Молодые люди радостно цепляются за любую оригинальную мысль. Раста-идея ненова, но все еще кажется свежей.

Чтобы узнать, только ли поэтому африканская культура занимает все больше музыкально-идейного пространства, я встретилась с главным растаманом страны Гербертом МОРАЛЕСОМ — лидером группы «Джа Дивижн».

Архив «Новой»

Сын кубинского революционера и бывший медбрат много лет назад бросил работу и занялся музыкой. Он поет, что «невероятно растафарианство в России», тем не менее с удовольствием отмечая в интервью возрастающую популярность этой культуры. Солнечная музыка регги вошла в моду, обретая не только сторонников, но и противников. Ни один концерт групп, играющих музыку регги, не проходит без вмешательства малолетних бритых отморозов, скандирующих что-нибудь вроде «бей черных» и нападающих на всех, кто не побрит.

Я встретилась с улыбающимся музыкантом на улице. Дреды спрятаны под куртку, молния на куртке расстегнута: Гера прижимает к груди маленькую собачку, которая, пока на улице холодно, гуляет таким вот образом. Около подъезда Гера выпускает собачку на землю — она сразу замерзает и одну за другой поджимает лапки. Минут через десять мы поднимаемся к Гере домой. На кухне стоит бюст Ленина. Голова бюста (звучит странно, но у бюста точно есть голова) украшена нарисованной маслом красно-желто-зеленой растаманской береткой.

— Гера, скажи, а почему молодежь, которая раньше совершенно ничего не знала о растафарианстве, вдруг стала проявлять такой интерес не только к музыке, но и к самой раста-культуре?

— Если говорить о молодежи, которая сейчас очень интересуется раста-идеей и любит слушать музыку регги, то это, естественно, происходит потому, что в нашей стране нет идеи — вообще никакой идеи нет. Зато есть желание молодого человека жить в нормальном обществе. Вот сейчас денег у государства — до фига, а оно повышает цены на бензин, на коммунальные услуги — на то, в чем именно самим россиянам надо было бы в первую очередь помочь. Надо людям сделать лучше.

Но для начала нужна действительно национальная идея. Мне кажется иногда, что она действительно есть. Вот Путин, например, считает, что национальная идея — это любовь к родине, патриотизм. Но это пустые слова, если не объяснить нам, что такое родина. Потому что, с одной стороны, для меня родиной являются СССР и Россия, но, с другой стороны, когда я ездил в Эстонию, она мне тоже показалась родиной, хотя она уже в Евросоюзе. Родина — это не только Москва, которая сейчас так перестроена, что ее вообще не узнаешь. Я москвич, я обожаю Москву и очень страдаю, когда вижу, что в центре Москвы пилят какое-то дерево только потому, что оно мешает игорному дому...

Так вот. Когда у какого-то народа происходит революция, то постреволюционные поколения страдают за предыдущие и ищут какую-то свою идею. Я уверен, что русская нация добьется того, что во всем мире при словах «я — русский» человека сразу начнут воспринимать с уважением. Есть зерно в нашей нации, которое способно совершить удивительные

вещи. Сейчас застой в искусстве, и весь мир давным-давно в этом застое, все ждут идеи от России: «Ну покажите нам что-нибудь». А у нас тоже застой. Все это как раз и говорит о том, что настало время раста-культуры, потому что именно она способна заставить человека, который находится в каменном состоянии, расшевелиться, войти в ритм. И когда у него зашевелится душа, то и мозги зашевеливаются.

— То есть раста-идеи по сути своей способны расшевелить общество? Может быть, в них заложена какая-то революционность?

— Раста-идеи — это революционные идеи. Я слушаю регги, сижу у компьютера и курю марихуану — это как раз то, чего больше всего не любят эти самые власть имущие. Регги — это маленький симптом революционности молодежи. Пройдет время, молодые люди станут постарше, пойдут в торговлю, в управление государством, в политику или еще в какую-нибудь фирму, но они всегда будут помнить, что их молодость прошла в обществе очень хороших людей. Раста-идея великолепна, это, кстати, то, что сейчас в Европе и во всем мире воспринимается именно как культура.

— Регги в нашей стране абсолютно неполитическая музыка. Почему? Ведь Боб Марли, например, был очень сильно замешан в политике.

— Замешан, ты правильно сказала — очень замешан. Это значит: просто взяли и использовали цвет его музыки. Я не думаю, что его интересовала политика. Папарацци находили его в каких-то клубах с какими-то девушками...

— А насколько ты заинтересован в политике?

— Для меня политика — это шахматы. Идут разные партии между разными кланами. Один клан выступает против такого-то клана, у каждого свой телеканал. Короче, это все мне кажется откровенным дерьмом... Нет, регги и раста-идея никак не связаны ни с какой политикой. Если возникает какая-то связь с партиями у раста и у регги, то это уже не раста и не регги. Этого просто быть не может, иначе не будет этой чистоты позитивной вибрации. Мы же говорим о музыке и о позитивности в музыке, а это выше любой политики.

— У тебя, мягко говоря, необычная для большинства людей жизнь, да и с такими взглядами ты практически не вклиниваешься в структуру нашего общества... Как ты живешь, Гера?

— Интуитивно живу. Интуиция подсказывает, что моему организму, например, нужно как можно дольше спать, как можно позже вставать. На сцене мне надо петь так, будто я через секунду умру. За каждый концерт я ставлю себе отметку по пятибалльной системе. Если концерт на тройку, я очень грущу по этому поводу, но на следующий день забываю. Мне кажется, что все плохое — не для этой жизни.